

СЛОВО ЧЛЕНУ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ: ИНТЕРВЬЮ С А. Г. БЕРМУСОМ

Александр Григорьевич Бермус

*доктор педагогических наук,
профессор*

*Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия*

Бермус Александр Григорьевич – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой образования и педагогических наук Южного федерального университета (ЮФУ). Имеет более 140 публикаций, среди них 5 монографий. Области научных интересов: философия и теория образования, культурологические и социально-политические проблемы образовательных реформ, педагогическое образование в XXI в. и др. Активно изучает еврейские религиозные и культурные традиции, проблемы межкультурного и межкультурного диалога в современном образовании и гуманитарных науках.

Первую часть интервью читайте в предыдущем выпуске журнала.

– Александр Григорьевич, что бы Вы могли назвать в качестве особенности журнала «ИНСАЙТ»?

– Начну с вполне естественных поздравлений: журнал «ИНСАЙТ», несмотря на «секторальный» статус, связанный с ориентацией на «молодежную науку» и небольшой срок деятельности, уже достиг важных результатов. Журнал входит в РИНЦ; у него неплохой двухлетний импакт-фактор, наконец, по данным SCIENCE INDEX за 2022 г., он вошел в число первых 200 российских журналов по тематике «Народное образование. Педагогика».

Все эти результаты имеют значение как основания для стратегии развития. Ее элементами могут быть и формальные цели: войти в 1-ю категорию журналов Перечня ВАК, ядро РИНЦ и, может быть, даже добиться индексации в международных базах данных. Однако более интересным представляется выработка комплексной стратегии развития, внутри которой решались бы еще и задачи формирования

научно-образовательного сообщества молодых исследователей. Так, например, одним из направлений развития журнала могли бы стать партнерские проекты анализа «больших данных» в сфере профессиональной педагогики и образования; изучение, освоение и распространение опыта крупных международных издательских проектов в образовательной сфере; информационное сопровождение крупных федеральных и международных проектов развития сферы профессионального и профессионально-педагогического образования. Возможно, что перспектива развития журнала будет связана с расширением спектра его медийных возможностей; однако при любом развитии событий, каждой из этих мер должна предшествовать углубленная аналитика ситуации и концептуализация последующих изменений.

– Какие радикальные изменения, на Ваш взгляд, могут ждать отрасль педагогического и профессионально-педагогического образования в ближайшие годы?

– Прежде чем говорить о конкретных изменениях в системе педагогического и профессионально-педагогического образования, представляется важным обратиться к тому, какие чувства, отношения и действия они вызывают в нас самих.

И здесь, с известной долей огрубления, можно выделить две культуры, каждая из которых определяет свое особое отношение к происходящему. Первая из этих культур вполне традиционна и соотносится с достаточно длительным опытом пребывания отечественного образования в иерархической бюрократической модели управления. Никакие изменения и трансформации невозможны вне контекста изменений персониферы образования и его регламентов; реальные изменения – это не всегда то, «о чем объявлено официально», но никакие изменения невозможны без изменений лиц и регламентов. В связи с этим важнейшим приоритетом оказывается способность спрогнозировать изменения расстановки политических сил, предвосхитить их и, по возможности, повлиять на них. К сожалению (или к счастью), эта парадигма эффективна для построения индивидуальных карьер в стабильных системах, но, как правило, дает сбой в ситуации условий радикальных изменений.

Альтернативная культура возникает из понимания, что и вся образовательная система, и система управления, и каждый отдельный субъект находятся в сложном рельефе событий, проблем и представлений, делая неизбежные выборы и сталкиваясь с их последствиями. В связи с этим любые сколь угодно радикальные изменения происходят как ответы на сложные проблемы, а те, в свою очередь, обязаны своим возникновением долгосрочным трендам. Нет возможности (а, вероятно, и смысла) угадать, какое именно решение, когда и кем будет принято; гораздо важнее определить спектр возможных тенденций, вызовов и решений. Опираясь на эту культурную парадигму, отметим некоторые фундаментальные факты, с которыми всем нам придется считаться в ближайшем будущем:

1. *Снижение предложения на рынке высококвалифицированного труда.* Практически с уверенностью можно прогнозировать снижение в ближайшие годы кадрового потенциала экономики, особенно в секторе высоких технологий. Эта тенденция неизбежно породит регрессивные тенденции: увеличение доли неквалифицированного и низкодоходного труда, криминализацию отдельных секторов экономики, но одновременно создаст спрос на повышение квалификации и дополнительное образование, особенно для возрастных групп населения. Научные, производственные и образовательные организации, которые не примут тренд на примитивизацию труда, будут вынуждены устанавливать все более и более тесные связи вплоть до формирования изолированных экосистем производства и подготовки кадров. Внутри этих экосистем отношения коммуникации и кооперации будут перерастать в совместную деятельность, позволяющую удерживать концентрацию квалифицированного персонала, реализовывать непрерывное образование и обеспечивать вариативность образовательных траекторий, поддерживать ранний выход на рынок труда; создавать условия для социальной поддержки молодежи и пожилых работников.

2. *Повышение неоднородности мира и связанное с ним увеличение рисков нестабильности.* Часто в последние годы мы говорили об усложнении мира, росте рисков, не вполне отдавая себе отчет в том, что может послужить причиной этого. Главенствующий процесс сокращения общедоступных ресурсов с неизбежностью породит тенденцию к замыканию эффективных субъектов рынка (будь то производст-

венные, образовательные, научные, культурные или какие-то иные субъекты), к их более тесному взаимодействию и солидаризации. Это, в свою очередь, будет порождать вторичные сложности: перераспределение человеческого капитала между экосистемами, обострение конкуренции за удержание наиболее ценных сотрудников при одновременном ужесточении требований к их лояльности. Особое влияние приобретут носители «культурных кодов» и трансляторы коллективного опыта, обеспечивающие воспитание и сохранение идентичностей, причем в этих практиках элементы вполне традиционных и даже архаичных практик будут дополняться авангардными формами культурных практик (видеоблоггингом, имиджмейкерством, «искусственным интеллектом» и др.).

3. *Создание сервисов учета индивидуального опыта и поддержки профессионально-личностного развития.* Мы далеки от мысли об однозначной положительной роли сервисов индивидуализации образования: по-видимому, они будут одновременно играть роль контролеров поведения и, возможно, даже мышления обучающихся, при этом создавая стимулы и поддерживая активность в нужном направлении. А весь спектр традиционных для индустриального общества педагогических проблем (подростковые бунты, конкуренция за более высокие статусы и др.) будут переноситься на взаимоотношения с «цифровыми наставниками». Однако, вполне вероятно, что тенденция *гибридизации и синергетического усложнения взаимодействия* естественного и искусственного интеллектов будет преобладающей.

4. *Инфраструктурная революция образования.* Еще одной тенденцией, проявляющейся уже сейчас, но последствия которой принадлежат будущему, является фундаментальная переоценка модели образовательной организации вообще и университета в первую очередь. Качество аудиторного фонда и даже доступных информационных сервисов будет «базовым стандартом» (те же вузы, которые не смогут его поддерживать, станут объектами очередной волны слияний и поглощений); но главные сражения развернутся между экосистемами, частью которых будут образовательные подсистемы и практики. Возможности приобретения эксклюзивного и востребованного на производстве опыта, организации культурного досуга, социально-психологической поддержки станут важнейшими конкурентными преимуществами, ориентируясь на которые будет происходить массовый переток обучающихся и профессионалов.

– Если бы у Вас представилась возможность задать любому ученому любой эпохи один вопрос, кто был бы этот ученый и что за вопрос?

– Мы находимся с Вами в завершающей части Года педагога и наставника, одновременно отмечаемого как год 200-летнего юбилея К. Д. Ушинского¹. Поэтому мой ответ вполне естественный и даже, вероятно, предсказуемый: «Что должно было быть в III томе «Педагогической антропологии»?»

Если отвечать на Ваш вопрос более развернуто, то речь идет об известном факте: К. Д. Ушинский задумывал свою самую главную работу «Человек как предмет воспитания» (или «Педагогическую антропологию») как трехтомник. Первый и второй тома, посвященные знаниям о природе человека и закономерностях его физического и психологического развития, были написаны рукой К. Д. Ушинского, им скомпонованы и опубликованы при его жизни. Третий том «Педагогической антропологии», в который должны были войти основы духовного воспитания и развития ребенка, не был завершен, и существует лишь в виде разрозненных набросков. Между тем, если бы этот текст состоялся, он мог бы оказать весьма существенное влияние на всю отечественную педагогическую традицию.

Для пояснения этого тезиса я бы хотел обратиться к рассуждению известного философа XX в. М. Фуко, которое я приведу по памяти, но пытаясь удержать основной смысл. М. Фуко сопоставляет два вида дискурсов (т. е. способов рассуждений и речи), соответствующих естественнонаучной и социально-гуманитарной традиции. Особенность естественнонаучного дискурса заключается в том, что научное познание характеризуется определенным вектором развития, и обнаружение забытых или неизданных трудов, относящихся к прошлым эпохам (например, рукописей Г. Галилея или И. Ньютона), может изменить наше представление об истории науки, но не наши представления об актуальной науке как таковой.

Напротив, если бы сейчас были найдены никому не известные тексты таких основоположников современной социально-гуманитарной мысли, как К. Маркс или З. Фрейд, то они бы стали не только исто-

---

¹ Интервью бралось в 2023 г., который был объявлен Годом педагога и наставника.

рическими фактами развития социально-гуманитарных традиций марксизма или психоанализа, но оказались бы важными факторами переосмысления каждой из традиций. Иначе говоря, сквозь их призму мы бы, возможно, стали по-иному воспринимать суть и сущность этих учений.

Некоторое время назад я попытался предпринять усилия по реконструкции одного из наиболее загадочных сюжетов психоанализа, а именно: *судьбы и творчества* уроженки Ростова С. Шпильрейн, чье имя связывается с именами К. Юнга и З. Фрейда – двух основоположников европейского психоанализа. Кроме того, большая часть написанного ею утеряна или сознательно уничтожена. И это подтолкнуло меня попытаться реконструировать послание С. Шпильрейн, опираясь на ее личные письма и дневники, а также на религиозные смыслы и философские тексты ее времени (желающие могут ознакомиться с результатом этой реконструкции¹).

И, возвращаясь к Вашему вопросу, конечно, хотелось бы также получить авторские ответы на вопросы о содержании наиболее известных текстов русской культуры, до сих пор находящихся в *сокрытии*: десятой главы «Евгения Онегина» А. С. Пушкина; второго тома «Мертвых душ» Н. В. Гоголя; авторского финала оперы «Хованщина» М. П. Мусоргского; симфонии «Жизнь» П. И. Чайковского и т. д.

– *Чем Вы любите заниматься в свободное время?*

– Подробный ответ на этот вопрос, вероятно, потребовал бы отдельного разговора со многими оговорками, обоснованиями, достаточно парадоксальными рассуждениями, поэтому, с Вашего позволения, я ограничусь очень кратким ответом: в свое свободное время я люблю вслушиваться в звучание других времен и культур. В медицине есть такой термин «аускультация», т. е. диагностика состояния внутренних органов человека (сердца, легких) на основании выслушивания звуков, производимых ими. Мы все знакомы с этим методом по тому, как врач-терапевт во время болезни обязательно «слушает бронхи и легкие».

---

¹ Бермус А. Г. Шпильрейн Сабина (Шейвэ) Николаевна (Нафтульевна): данные биографии #1 // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2017. № 2. С. 14–57. URL: <https://journals.hist-psy.ru/index.php/HPRPD/article/view/255>.

Моя гипотеза заключается в том, что подобно тому, как опытный врач может диагностировать состояние больного, основываясь на своем слухе, современный гуманитарий может очень многое раскрыть не только в прошлом, но и в настоящем, опираясь на те специфические тексты, которые производит эпоха. Этот способ «исторической аускультации» порождает особый жанр и стилистику письма, но, повторюсь, это слишком большой и сложный разговор, который требует много времени и усилий. Оставим его до следующего раза.

– *Что бы Вы посоветовали молодым ученым и студентам, которые только начинают свой научный путь?*

– Прежде всего, я бы хотел немного уточнить Ваш вопрос: мне кажется достаточно проблематичной ситуация, когда молодые ученые и студенты будут следовать некоторым советам, которые их наставники нимало не разделяют. Скорее, мне бы хотелось обратиться сразу ко всем сторонам образовательной системы: ее руководителям, наставникам и обучающимся, которые в современном мире нередко меняются местами (вспомним хотя бы историю с переходом образования в онлайн-режим во время пандемии, когда даже не самые блестящие студенты оказывались прекрасными наставниками в ИТ-сфере для возрастных преподавателей).

И еще одно достаточное ограничение: несмотря на то, что мой ответ является реакцией на Вашу просьбу «совета», я бы рассматривал его, скорее, как некоторую констатацию, к которой каждый волен отнестись так, как он считает нужным. Поэтому, с Вашего позволения, я назову пять тезисов, обозначающих, как мне представляется, актуальную и востребованную перспективу развития наук об образовании и самой сферы образования:

1. Современное образование, равно как и процессы его трансформации, есть интереснейший и сложнейший историко-культурный феномен. Современное образование должно не только удовлетворять запросам сегодняшних работодателей, но и быть ориентированным на формирование рынков, индустрий и систем подготовки, которые станут востребованными через 5–10 лет. А заниматься этим приходится

людям, которые являются «продуктами» крайне противоречивой истории XX и первых десятилетий XXI вв., что приводит нас к сложному сочетанию «исторического», «актуального» и «будущего» в их взаимосвязях и противоречиях. Отвергая или разрушая какой-то из элементов этой схемы, будь то символический образ Прошлого, действенное Настоящее или воображаемое Будущее, мы становимся заложниками собственной «слепоты», и способны лишь удивляться тому, что наши «совершенно естественные» усилия приводят к абсолютно непредсказуемым потерям.

2. Образование и его трансформации гетерохронны, т. е. находятся и в едином моменте и во множестве разных времен. Одним из важнейших навыков современного человека (а, возможно, и человека вообще) является его способность и готовность жить сразу в нескольких временах. До какого-то уровня эта способность является очевидной и не вызывает каких-то проблем: человек на интуитивном уровне соглашается с тем, что все происходящее с ним имеет определенное расположение в дневном, месячном и годовом циклах, соответствует определенной «точке» на линии его жизни, жизни его семьи, страны, культуры и т. д. Специфика образования как системы заключается в том, что в нем взаимодействуют люди с совершенно разными временными ретро- и перспективами, жизненными планами и ожиданиями, и это создает потенциально конфликтную ситуацию. В связи с этим хотелось бы пожелать большей рефлексивности каждому в отношении со своим временем, с тем, чтобы, не пренебрегая своими ожиданиями и ритмом, быть в состоянии принять Другого как носителя иного опыта и иной жизненной перспективы, быть готовым увидеть его «Прошлое» и прислушаться к его собственному образу «Будущего».

3. Образование одновременно циклично и открыто. Каждая из частей этого высказывания не вызывает по-отдельности никаких возражений и сомнений. Образование циклично в части возвращения к одним и тем же сюжетам и циклам (недельному, семестровому, годичному), но при этом открыто в мир, к его освоению и преобразованию. Наиболее сложным здесь является совместное удержание *возвращения (циклического) и развития (линейного развития)*. Эта двойственность пронизывает весь уклад университета: в той же мере, в которой

университетские библиотеки, лаборатории и кампусы являются местом созидания новых знаний и ценностей, этот процесс оказывается возможным лишь постольку, поскольку университет открыт в мир; и наоборот, открытость в мир становится полноценной и осмысленной не ранее, чем университет и каждый его субъект начинают осознавать свою уникальную миссию, жизненную и профессиональную задачу.

4. Проектирование и анализ эффективности всего нового в пространстве университета всегда относится к «единицам», а не «элементам». Различение «единиц» и «элементов» принадлежит основоположнику современной отечественной психологии Л. С. Выготскому, который таким образом пояснял разницу между классической и неклассической психологией. Классическая психология (как и наука вообще) исходит из первичности объекта как некоторой сложной системы, состоящей из множества элементов и обладающей рядом свойств и характеристик. Соответственно, задачей науки является создание максимально полного перечня составляющих элементов и описание («измерение») всех его структурно-содержательных особенностей. Только после создания такого максимально полного и подробного описания исследователь может делать какие-то утверждения относительно причин возникновения тех или иных проблем и путей их решения. Напротив, неклассическая наука исходит из того, что объект при всей его сложности может быть смоделирован взаимодействием всего двух противоположных процессов, центрированных на некотором средстве, и уже эта модель достаточна для понимания основных проблем объекта и, соответственно, их решения.

Поясним сказанное на простейшем примере исследования недостаточной мотивации к учению. Классический подход заключается в том, что мотивация к обучению рассматривается как один из элементов учебной деятельности учащихся, формирующейся и осуществляемой в контакте с педагогической деятельностью учителя. Соответственно, каждая из этих деятельностей включает в себя помимо мотивации определенные цели, содержание, формы и методы работы, способы общения и взаимодействия, результаты и способы их контроля. Очевидно, что каждый из этих элементов может оказывать внутреннее влияние на мотивацию: неясность или отсутствие у ученика лич-

ностно значимых целей, невладение теоретическим содержанием либо же недостатки практического оборудования, нерегулярность контроля и несформированность навыков самоконтроля – все это в разной степени может приводить к снижению мотивации. Говоря о внешнем влиянии на мотивацию учащегося, мы должны исследовать собственную мотивацию учителя, уровень его профессионального мастерства; готовность и уровень педагогического общения и т. д. Вполне очевидно, что количество возможных взаимосвязей между различными компонентами учебной и педагогической деятельности оказывается огромным, и классическая методология педагогических исследований требует от нас максимально полного исследования всех возможных взаимосвязей, которые могут оказать влияние на исследуемый объект.

Неклассическое исследование минимизирует все это многообразие причин и взаимосвязей, обращаясь к единственному моменту: когда, в какой момент и при каких условиях дети теряют интерес к происходящему? Возможно, эта ситуация связана с тем, что учитель начинает проверять выполнение домашнего задания, одновременно критикуя тех, кто его не выполнил, либо же это может быть связано с тем, что вместо обращения к реальным наблюдениям и предметам, учитель начинает апеллировать к «здравому смыслу» детей или имеющемуся у них опыту. И это позволяет прийти к формулировке гипотезы решения данной проблемы как некоторой целостной трансформации порождающей ее ситуации: либо через замену объекта речи (недостатки домашней работы, а целевая установка на сегодняшнее взаимодействие), либо трансформировав целевую установку учителя (обеспечение совместного творчества, а не донесение имеющегося содержания).

5. Трансформация образования должна быть экологичной. Принцип экологичности часто декларируется в образовании последних десятилетий, однако зачастую эти декларации носят сугубо внешний характер. Если же мы обратимся к наблюдениям за живой природой, то без особых сложностей сможем выделить ряд закономерностей, очевидных в живой природе, но продолжающих действовать и в образовательной сфере. Например, интуитивно нам понятно, что все растения нуждаются во влаге, но практические наблюдения показывают,

что если влаги становится слишком много, то растения могут начать гнить. Аналогичным образом информационная подпитка учащихся должна быть, но если она становится избыточной, мы можем столкнуться с разлагающим действием («гниением») учебных заданий. Другим примером использования экологичного подхода является совместное засевание участка земли двумя разными видами растений, находящихся в симбиотическом отношении (например, малину и чеснок). Но это же может быть указанием и для организации совместной деятельности обучающихся с разными темпераментами и способами мышления!

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть: мы все находимся сейчас в «остром» моменте истории образования, да и общественной истории в целом, и от того, как мы пройдем этот кризисный период, зависит очень многое и на очень длительную перспективу. Постараемся же быть достойны сложности вызовов, брошенных нам временем! Успехов и всего доброго всем нам!

Редакция журнала «ИНСАЙТ»